

II. ПО ПОВОДУ ТРЕХ РЕЦЕНЗИЙ БЕЛИНСКОГО В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Сообщение Л. Ланского

Изучая маргиналии Белинского на принадлежавших ему книгах (см. в наст. томе нашу работу «Библиотека Белинского»), мы обратили внимание на некоторые своеобразные пометки в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г.

Как известно, все рецензии отдела «Современная библиографическая хроника» в «Отечественных записках» имели последовательную нумерацию, переходившую из книжки в книжку в течение всего года.

В упомянутом нами VI томе «Отечественных записок» за 1839 г. красными чернилами подчеркнуты №№ следующих рецензий: 324 («Как любят женщины»); 327 («Необыкновенный случай» и «Второй музыкальный альбом»); 328 («Предпоследнее странствование Семилассо по Свету»); 329 («Народный русский песенник»); 335 («Рассуждение о Лаже»); 359 («Шапка юродивого, или Трилистник»); 361 («В день заложения Храма Спасителя в Москве»); 362 («Гробница на Востоке»); 363 («Вдовец и его Сын»); 364 («Кум-Сват»); 368 («Недоросль»); 374 («Деяния Петра»); 376 («Основания русской стилистики»); 382 («Лекарство от задумчивости и бессонницы...»).*

Пометки подобного рода не могли быть случайными. Изучаемый экземпляр «Отечественных записок» принадлежал лично Белинскому, чрезвычайно бережно обращавшемуся с книгами и почти никогда не делавшему чернильных пометок, тем более — без причины. Пометки, как правило, делались Белинским простым черным карандашом и часто стирались им, по минованию надобности.

Первым делом мы сочли необходимым выяснить, чьи именно рецензии были выделены укаванным образом. Оказалось, что все отмеченные рецензии принадлежат Белинскому и вошли в IV том Полного собрания его сочинений («венгеровского»).

Чем объяснить, что рецензии Белинского кем-то специально выделены в журнале? Кто был настолько осведомлен, что мог безошибочно отметить среди десятков анонимных заметок рецензии, написанные именно Белинским, — и сделать это в принадлежавшем критику экземпляре? Повидимому, сам Белинский или же редактор-издатель журнала — А. А. Краевский. Изучая библиотеку Белинского, мы убедились, что сам он не отмечал какими-либо значками свои статьи в принадлежавших ему книжках журналов, в которых сотрудничал. Остается предположить, что все рецензии нового сотрудника «Отечественных записок» были отмечены Краевским с целью, имевшей, вероятно, какое-нибудь отношение к денежным расчетам.

Какой исследовательский интерес представляют эти пометки, поскольку все выделенные ими рецензии уже вошли в собрание сочинений критика? Прежде всего, они подтверждают авторство Белинского для всех четырнадцати отзывов, в том числе и рецензии на «Рассуждение о Лаже», принадлежность которой критику возбуждала сомнения. Затем, и это главное, они дают возможность заподозрить, что Белинский не был автором трех приписывавшихся ему рецензий.

Констатирование того факта, что все отмеченные в этом экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 г. рецензии входят в собрание сочинений Белинского, естественно, возбудило вопрос: не оказались ли включенными в собрание сочинений критика также и рецензии, не отмеченные в его экземпляре? Оказалось, что в IV томе такие рецензии имеются.

Обратимся к анализу их содержания, чтобы разрешить возникшее сомнение. Первой по порядку является рецензия на «Способ к распространению шелководства» Я. Юдицкого. Некомпетентность Белинского в вопросах шелководства, конечно, не может сама по себе являться поводом для сомнений в его авторстве. Критику приходилось давать отзывы на книги самого разнообразного и специального содержания. Этот аргумент тем менее был бы применим к данному случаю: автор рецен-

* № рецензии 318 («Очерки Бородинского сражения») подчеркнут ногтем.

зии не касается содержания книги по существу, а рассматривает ее только с точки зрения грамотности.

Наши сомнения в принадлежности рецензии Белинскому находят дополнительное обоснование в двух следующих обстоятельствах. Первое из них отметил еще Венгеров. В рецензии есть фраза: «Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, и не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе». К приведенным словам Венгеров, у которого, однако, не возникло, в этой связи, сомнения в принадлежности рецензии Белинскому, сделал следующее примечание: «Даже о том, как надо сидеть в „порядочном“ обществе, заботится теперь Белинский! Вспомните, как досталось за светские заботы Вяземскому». Венгеров имеет тут в виду рецензию на 2-ю книжку «Современника» (III, 60). Действительно, Белинский резко осуждает и высмеивает в этом отзыве «светские» притязания Вяземского. «Милостивые государи,— иронически восклицает критик,— умеете садиться в кресла, будьте в гостиной, как у себя дома — все это прекрасно, все это делает в а м большую честь; видя, с каким искусством садитесь вы в кресла, с какою свободой любезничаете в гостиной, мы готовы рукоплескать вам: но какое отношение имеет все это к литературе? Ужели умение садиться в кресла и свободно говорить в гостиной есть патент на талант литературный или поэтический...» и т. д. Разумеется, забота о манерах для «порядочного общества», сказавшаяся в первой цитате, плохо согласуется с подлинными взглядами на этот счет «великого плебея» Белинского,— взглядами, столь ярко выраженными в упомянутой нами статье о 2-й книжке «Современника».

Укажем на второе противоречие. В рецензии на «Способ к распространению шелководства» читаем: «Французы лучше других поняли эту практическую истину. Правила языка их приведены почти в математическую точность; знание своего языка и умение правильно и свободно выражаться на нем и словесно и письменно у них одно из первых условий образования, точно так же, как светскость, хороший тон. Поэтому если француз пишет нехорошо — это не от неумения, а от претензий на выпренность или от сбивчивости в понятиях. Хорошее везде хорошо, и подражать хорошему очень похвально. Жаль, что у нас в литературе перестали в этом подражать французам...» Возникает вопрос: можно ли приписать Белинскому периода его «французоедства» эту апологию французам и французскому языку и призыв подражать им? Ведь незадолго до того (в примечании к статье «Гамлет принц Датский») Белинский утверждал нечто совсем противоположное: «Французский язык, этот бедный, жалкий язык, имеет необыкновенную способность опошлять все, что не водевиль или не громкие фразы, — две крайности, составляющие жизнь француз» (III, 342).

Таковы сомнения, возникающие по поводу первой рецензии.

Обратимся ко второй рецензии: «Собрание рецептов парижских больниц... соч. Ф. С. Ратье».

Перепечатав из «Отечественных записок» всю статью о Ратье, Венгеров в примечании к ней указывает, что в издание Солдатенкова текст рецензии вошел не полностью, без второй его половины, и замечает: «Странно, что Белинский вялся писать о такой крайне специальной книжке. Однако сомневаться в том, что рецензия действительно принадлежит Белинскому, никак нельзя, ввиду того, что она на этот раз не только указана в галаховских рукописных списках, но и на свежей памяти и Галахова, и Каткова, и Кетчера внесена в солдатенковское издание. Может быть, Кетчер, врач по профессии, давал Белинскому нужные указания?»

Не менее странно, заметим мы от себя, что Венгерову осталось неизвестным письмо Краевского к Панаеву, которое последний цитирует в своих известных воспоминаниях о Белинском. Это письмо имеет прямое отношение к рецензии на «Рецепты парижских больниц» и содержит в себе полное разрешение вопроса: «Виссариону Григоричу низкий поклон и благодарение за статьи его. В статье о „Бородинской годовщине“ Никитенко выкинул два места. Прочее все осталось так, как было, кроме отзыва о Жуковском, к о т о р ы й я п о с м я г ч и л. Статья о книге доктора Ратье также и з м е н е н а м н о ю, потому что один из здешних дельных врачей доставил мне о ней статью: ведь мы с Виссарионом Григорьевичем в этом деле профаны, надо верить

тому, кто лучше знает...» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб, 1876, стр. 255).

Таким образом, выясняется, что рецензия на книгу Ратье первоначально была написана Белинским, но потом «изменена» Краевским, — точнее — совмещена со статьей какого-то «дельного врача». Становится понятным, почему Кетчер, безусловно посвященный в эти обстоятельства, ввел в редактировавшееся им собрание сочинений Белинского только начало рецензии, имеющее в себе, надо заметить, все характерные признаки авторства Белинского, которых лишена остальная, опущенная им часть текста. Понятно также, почему Краевский не отметил в посланном Белинскому экземпляре «Отечественных записок» эту рецензию как принадлежащую критику: был напечатан текст, в основном, другого автора.

Последняя рецензия, оставшаяся не отмеченной среди других рецензий в VI томе «Отечественных записок» за 1839 г., это отзыв о переводе на французский язык поэмы «Чернец» Козлова: «Le moine, histoire kioviennne». Венгеров замечает в примечании: «Этот отзыв уже свидетельствует не просто о знании <Белинским> французского языка, но о знании тонком и чутье языка» (IV, 542). Наблюдение верное. Но именно справедливость его и заставляет усомниться в том, что разбор французской книжки был поручен Галаховым Белинскому: из всех трех московских рецензентов «Отеч. записок» Белинский, безусловно, слабее всех знал французский язык. С другой стороны обращает на себя внимание отсутствие в рецензии каких-либо выпадов против французов и французского языка, столь характерных для Белинского этой поры (см. выше).

Мы поделились в настоящей заметке некоторыми соображениями, возникшими по поводу обнаруженных нами пометок в принадлежавшем лично Белинскому экземпляре VI тома «Отечественных записок» за 1839 год. Не претендуя на какую-либо категоричность в выводах, мы, тем не менее, думаем, что привели достаточно убедительные доводы, чтобы поставить под серьезное сомнение авторство Белинского для трех рецензий, давно уже входящих в собрание сочинений критика.